

КАК ДЕЛАЕТСЯ ЧУДО

Вне себя от восторга, что встретились с настоящей волшебницей, — а как еще назвать режиссера-сказочницу Надежду КОШЕВЕРОВУ, творящую на экране чудеса? — ребята буквально засыпали ее вопросами:

«А как это получается, что в кино человека насквозь шпагой протыкают?...»

«А как сквозь стену проходят?...»

«А как в «Золушке» Фея по небу идет?...»

Те, кто успел посоветоваться с родителями или с учительницей, чинно вставали и спрашивали про то, как стала Надежда Николаевна кинорежиссером, про то, над чем она в ближайшем будущем будет рабо-

тать, еще там про что-то очень серьезное. Но таких было мало. У большинства же глаза горели любопытством, и с разных углов зала несло:

«А как это прямо у нас на глазах в «Ослиной шкуре» принцесса превращается в замарашку, а потом обратно — в принцессу?...»

«А как это вообще люди в кинофильме вдруг исчезают?...»

Надежда Николаевна очень подробно объясняла — про комбинированные съемки, про общие и крупные планы, про монтаж, про многие, многие секреты кино...

— Надежда Николаевна, вы не боитесь, что все эти нужные и полезные знания разрушат веру ребенка в чудо?

— Абсолютно не боюсь. Они же все забывают. Не сразу, конечно. Сначала очень хорошо помнят и даже дома услышанное пересказывают — со всем «знанием предмета». Но проходит совсем немного времени, ребенок смотрит сказку, и если увиденное на экране его увлекает, он никогда не вспомнит о «технологии» чуда.

— Так как же все-таки создается на экране чудо?

— О, господи, и вы туда же! Про то, как человека шпагой насквозь протыкают, объяснить? Или как Фея по небу идет?

— Нет, про это не надо. Это я уже знаю. Объясните, пожалуйста, как человек становится сказочником — таким, что его знают дети, родители, бабушки, дедушки. Ведь на вашей «Золушке» уже третье поколение зрителей подрастает.

— Объяснить? А я не знаю, как. Мне кажется, для этого надо очень хорошо знать сказку. И очень ее любить.

Вы думаете, нет людей, которым сказка не по нутру. Есть! И немало. Ну, так не смотрите ее. Не пытайтесь ее сделать. Делайте тогда что-нибудь другое. А сказку... Ее надо, я уже сказала, очень хорошо знать и чувствовать. Тем, кто ею занимается, эрудиция невероятно необходима. Мы говорим: Гоголь гений. И это правда: Гоголь — гений. Но как он любил сказки. Как он умел их создавать. Читаете «Вечера на хуторе близ Диканьки» — и оторваться не можешь, постигая глубины гоголевской фантазии. Вообще мое мнение: надо много читать. Мы очень много читали. Но это давно было. До телевизионного бума. Не буду говорить о взрослых, но ребенку телевидение навредило. Он и так очень перегружен в школе программой, потом спорт — дети его любят, охотно им занимаются, потом — домашние задания — их тоже надо сделать. Так и пролетает день. А вы свободная минута — как вкопанный усядется перед телевизором и смотрит. А в выходной — целый день. Это так вредно. У ребенка же ничего в голове не остается для собственных, пусть

нехитрых, но очень ему необходимых размышлений: телевидение все преподносит в готовеньком виде. Хочется научить человека думать. А для этого у него должен быть запас — запас знаний, в том числе и литературных. Литературных — больше всего. Ведь они закладывают нравственное начало.

— Это относится и к тем, кто создает на экране сказки?

— К ним — в первую очередь. Все сказочники, сказочники всех стран и народов очень хорошо знали фольклор, подробно изучали его. А как же иначе?

— Среди них вы кому-то отдаете предпочтение?

— Я очень люблю Гофмана. Так хочется поставить фильм по «Крошке Цахес». Ну, и, конечно, мой любимый Шварц. Он был удивительным сказочником. И, кстати, вовсе не добрым. Добрым — это да. Евгений Шварц, заметьте, очень точен в определении, что такое хорошо, а что такое плохо. Это дано не многим.

— Потому что киносказок у нас так мало?

— Вы даже не знаете, насколько мало. На недавнем кинофестивале сказки выяснилось, что за всю историю их создано всего около ста. Сказка — серьезная, большая работа. Но она того стоит, ведь заложено в настоящей сказке очень много — и этического, и эстетического — то, что может обогатить душу и ребенка, и человека зрелого. А сколько у нее возможностей! Ведь буквально во всех сказках (разве что, кроме уальдовских, прекрасных, но трагических) — хороший конец. И поэтому в сказку включить можно любые элементы — комедии, мюзикла, трагедии — финал-то все равно будет в пользу доброты. Нет, я не устану повторять: для того, чтобы по ней поставить фильм, ее надо знать и любить. Тогда не знаю, будет ли чудо, но сказка обязательно будет.

— А актеров вам бы каких хотелось видеть в своих сказках?

— Добрых, умных. Талантливых. В трех моих фильмах играл Олег Даль — в «Старой, старой сказке», в «Тени» и «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил». Вот он был действительно неповторимым чудом — Даль, такой одинаковый и всегда разный. Талантище! Он мог сыграть все — от трагедии до эксцентрической комедии — огромный был у Олега диапазон. Второго такого мне уже не найти... С Мариной Нееловой с удовольствием работала — она к нам на съемочную площадку прямо из института пришла, вместе с Далем сыграла в двух фильмах.

— Но после «Тени» вы ее почему-то не снимали.

— А что было после «Тени»? А, «Царевич Проша», первая моя картина на материале русского фольклора. Но, вспомните, для Марины Нееловой роли там не было. Да и партнера тоже.

— А какой у нее должен быть партнер?

— Даль. Олег Даль. Увы, Дalia больше нет. Но в новой своей картине Марину Неелову хочу занять. Думаю, это получится.

— Вы скажете, что это за картина?

— Пока нет. Я — человек суеверный...

А потом снова была встреча с юными зрителями. И снова ребята приходили в восторг от того, что видят настоящую волшебницу. И, перебивая друг друга, наперебой спрашивали:

«А, скажите, как это получается?...»

И Надежда Николаевна подробно отвечала. Она знает, как делается чудо. И знает, для кого оно делается.

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.

Фото Николая ШАРУБИНА.